

Редакционная коллегия:

В. М. Орел (главный редактор)

Д. А. Александров (редактор отдела рецензий)	Н. И. Кузнецова (зам. главного редактора)
В. В. Бабков (отдел истории биологии)	Л. А. Маркова (отдел общих проблем)
А. Г. Барабашев (отдел философии и методологии науки)	И. И. Мочалов (отдел истории наук о Земле)
Вл. П. Визгин (отдел истории физики, механики и астрономии)	Н. Н. Семенова (и.о. ответственного секретаря)
В. Л. Гвоздецкий (отдел истории техники)	А. М. Смолеговский (отдел истории химии)
С. С. Демидов (отдел истории математики)	Д. А. Соболев (отдел истории авиации и космонавтики)
С. С. Илизаров (отдел архивных публикаций)	А. Ю. Стручков (редактор международного отдела)
Л. М. Кожина (отдел научно-технических музеев)	А. В. Юревич (отдел социологии и социальной психологии науки)

Международный редакционный совет:

Марк Адамс, США	Доминик Пестр, Франция
Кит Бенсон, США	Ганс-Йорг Райнбергер, ФРГ
Гурген Григорян, Россия	Нильс Ролл-Хансен, Норвегия
Лорен Грэхем, США	Эдвард Свидерски, Швейцария
Кеннет Кноспел, США	Вячеслав Степин, Россия
Борис Козлов, Россия	Дуглас Уинер, США
Эдуард Колчинский, Россия	Дэвид Холлоуэй, США
Джон Криге, Франция	Юрий Храмов, Украина
Юрий Наточин, Россия	Саймон Шейфер, Великобритания
Мариано Ормигон, Испания	

Номер набран и сверстан на электронном оборудовании
Института истории естествознания и техники РАН

Редакторы — Куликова Марина Владимировна, Фирсова Галина Александровна,
Будрейко Екатерина Николаевна (информационный раздел)
Компьютерный набор — Артеменко Роман Валерьевич
Оригинал-макет — Алексеев Константин Игоревич
Заведующая редакцией — Дроздова Людмила Николаевна

Технический редактор — Пахомова Вера Михайловна

Подписано к печати 17.05.2000. Формат бумаги 70×100 1/6
Офсетная печать. Усл. печатн. л. 18,2 Усл. кр.-отт. 14,7 тыс. Уч.-изд. л. 23,1 Бум. л. 7,0
Тираж 807 экз. Заказ 3600

Свидетельство о регистрации № 0110149 от 4 февраля 1993 г.
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт истории естествознания и техники РАН

Адрес издателя: 117864, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 103012, Москва, Старопанский пер., 1/5
тел: (095) 928-1190 факс: (095) 925-9911 E-mail: viet@history.iht.ru
Отпечатано в ППП «Типография "Наука"». 121099, Москва, Шубинский пер., 6

- © Российская академия наук,
Институт истории естествознания и техники, 2000 г.
При перепечатке, переводе на иностранные языки,
а также при ином использовании оригинальных материалов журнала
ссылка на ВИЕТ обязательна.

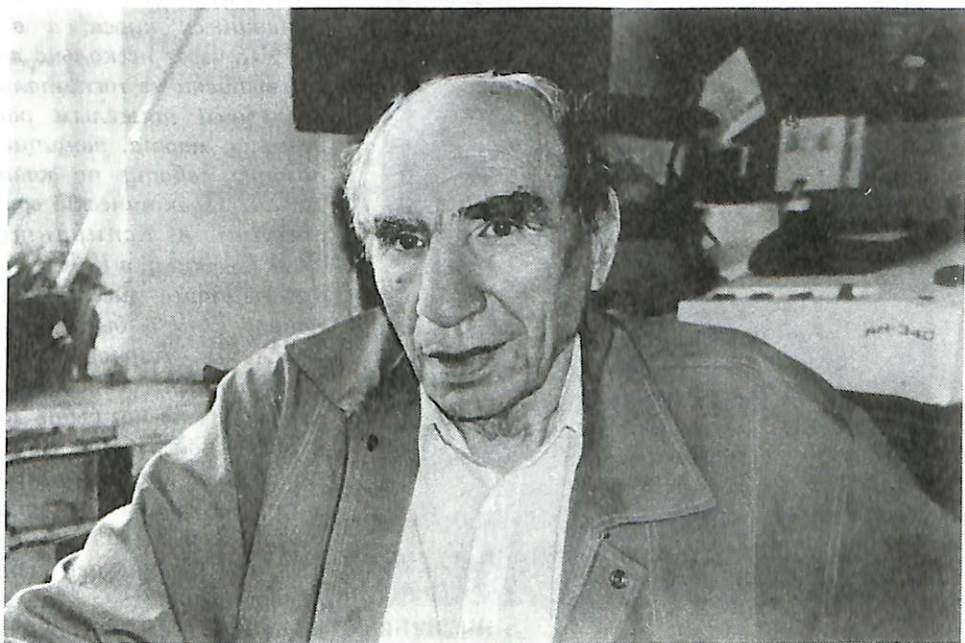
55 лет Великой Победы

Л. А. БЛЮМЕНФЕЛЬД

ФРОНТОВЫЕ СТИХИ, И НЕ ТОЛЬКО...

От редакции

Лев Александрович Блюменфельд — всемирно известный современный российский биофизик, автор более 300 научных статей и 6 монографий, переведенных на ведущие языки мира, организатор и многолетний руководитель кафедры биофизики на физфаке МГУ и специализированной лаборатории в ИФХ РАН, пионер использования электронного парамагнитного резонанса для изучения биологических объектов, в послевоенные годы — соратник Н. В. Тимофеева-Ресовского, создатель незаурядной собственной научной школы. В фундаментальной науке имя Л. А. Блюменфельда ассоциируется в первую очередь с формированием базовых представлений о физических основах ферментативного катализа и внутриклеточной трансформации энергии. Приоритетное

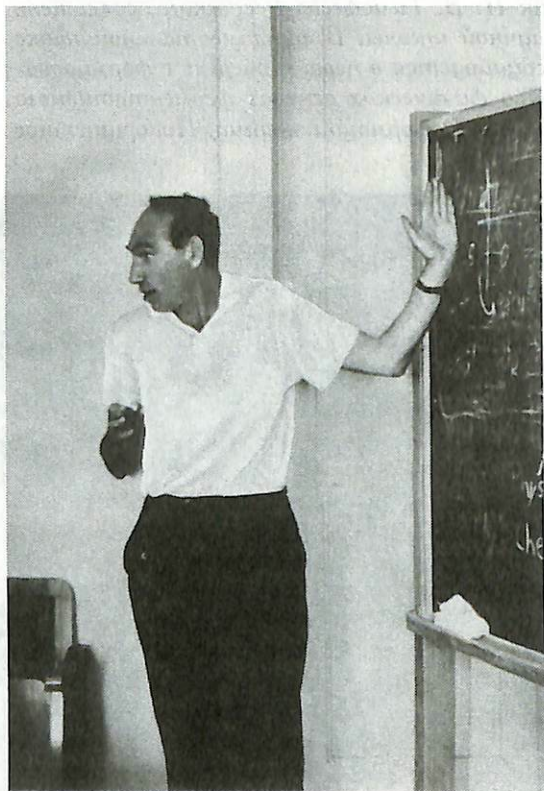

Л. А. Блюменфельд. 29 октября 1999 г.

методическое значение имеют его работы в области магнитной радиоспектроскопии.

Природа, если одаряет, то, как правило, щедро. Лев Александрович — не исключение: он не только выдающийся ученый, но и доблестный воин, и проникновенный поэт. Небольшие подборки его стихов и переводов были ранее опубликованы в журналах «Наука и жизнь» и «Химия и жизнь». В 1996 г. при поддержке его ученика к. ф.-м. н. известного барда Сергея Никитина вышла повесть «Две жизни».

Л. А. Блюменфельд родился в Москве 23 ноября 1921 г. В 1939 г. блестяще окончил школу, но как «сын репрессированного врага народа» с трудом добился поступления на химический факультет МГУ, несмотря на все препоны, безупречно сдав 7 экзаменов. В 1941 г. по той же причине не был призван в армию, но летом участвовал в строительстве укреплений на дальних подступах к Москве, а в ноябре, скрыв свое происхождение, все-таки добился зачисления в армию. Его первый бой — в феврале 1942 г. под Москвой в чине рядового, а последний — в марте 1945 г. в Венгрии, на границе с Австрией, в звании старшего лейтенанта и в должности начальника разведки самоходно-артиллерийского полка. Неоднократно и тяжело ранен. Награжден несколькими боевыми орденами и множеством медалей.

Л. А. Блюменфельд на семинаре у Н. В. Тимофеева-Ресовского. Миассово, Урал, 1961 г.

В 1943 г., когда его воинская часть находилась на переформировании под Москвой, Лев Александрович сдал все университетские экзамены за три оставшиеся курса, а в конце 1945 г., через несколько дней после выписки из госпиталя, где с последним тяжелым ранением лежал с марта, защитил дипломную работу по квантовой химии. Практически сразу поступил в аспирантуру к Я. К. Сыркину, в 1948 г. блестяще защитил диссертацию и в начале 1949 г. был... уволен из ИФХ им. Карпова, поскольку как «сын репрессированного врага народа» не мог быть допущен к секретной работе. Только после 1956 г. ему открылись нормальные возможности для творческой реализации в науке.

Муза поэзии неизменно сопровождает Льва Александровича на всем его жизненном пути. И хотя песня, которую он шутя сочинил в июле 1941 г.,

стала фольклорным гимном студентов-строителей подмосковных укреплений, множество его стихотворений и стихотворных переводов из выдающихся немецких и английских поэтов ждут еще публикации.

Редакция благодарит Льва Александровича за то, что в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне он согласился предоставить журналу для публикации несколько своих стихотворений военного времени и современных, а также переводы из поэтов прошлого, актуально звучащие и сегодня.

* * *

Жарким летним солнцем согреты инструменты,
Где-то лает главный инженер,
И поодиночке товарищи студенты,
Волоча лопаты, тащатся в карьер.

Стой под скатами,
Рой лопатами —
Нам работа дружная сродни —
Землю роючи,
Дерном кроючи,
Трудовую честь не урони!

Пусть в желудке вакуум, пусть в мозолях руки,
И не раз мы мокли под дождем:
Наши зубы точены о гранит науки —
Опосля гранита глина нипочем.

Стой под скатами,
Рой лопатами —
Нам работа дружная сродни —
Землю роючи,
Матом кроючи,
Трудовую честь не урони!

Что бы ни случилось, песню мы не бросим.
В нас закалка юности жива.
Где ты нас застанешь, золотая осень?
Скоро ли увидимся, милая Москва?

Стой под скатами,
Рой лопатами —
Нам работа дружная сродни —
Песню грянувши,
Мать вспомянувши,
Трудовую честь не урони!

июль 1941 г.

В карауле

И в мир пришла весна,
И тает снег на брошенных полях,
И ватой ходят облака над нами
По голубому солнечному небу,
И нет им дела до людей внизу,
До плесени гнилой, покрывшей землю.
Весна пришла, как приходила раньше,
Как будто мир не истекает кровью,
Как будто люди не сошли с ума.
И я стою в разрушенной деревне.
В домах без крыш и стен гуляет ветер,
Весенний ветер, свежий и холодный.
Он раздувает и мою шинель,
И волосы неубранного трупа,
Который смотрит в солнечное небо
Невидящими впадинами глаз...
И ветер мне настойчиво твердит,
Что важно то, что в мир пришла весна,
Что светит солнце. Он твердит о том,
Что кровь, война и смерть — пустая мелочь,
Не стоящая наших сожалений,
Мучительных вопросов и раздумий.
И я у догнивающего трупа
Стою с винтовкой под апрельским ветром
И думаю, что миром правит жизнь,
Что торжество ее неотвратимо!

Западный фронт, апрель 1942 г.

1943–1944, на формировке под Москвой

Я давно стихи не писал
И в тишине ночей,
Рифмы забыв, интегралы брал,
Верен мечте своей.
Ночью стояла передо мной
Медленные часы
Шар заслоняющая земной
Странная буква «пси».
И мне казалось, что жизнь моя
Стала навек ясна...
Только сегодня увидел я —
К людям пришла весна.

Неба синий клочок в вышине,
Тающий мокрый снег...
Сердце сегодня бьется во мне
В такт молодой весне.

Мне захотелось стихи писать
И по Москве ходить,
Верить, работать, любить, мечтать.
Мне захотелось жить,

Вместе стихи и функцию «пси»
В жизни соединя,
Но, случайно глаза скосив,
Вижу погоны я.

Две звезды и один просвет,
Красный танкистский кант.
Я не ученый и не поэт,
Просто — я лейтенант.

февраль 1944 г.

* * *

И снова бой. Опять растет
Число убитых и сгоревших,
А мы опять идем вперед
И помним только уцелевших.
И часто спрашиваю я:
Когда же очередь моя?
И как? Граната ль стукнет рядом?
Иль снайпер в сердце попадет?
Или нечаянным снарядом
Меня на части разорвет?
Иль прозвенит осколок мины
И с горлом срежет жизнь мою?
Иль в танке, облитый бензином,
Как факел, медленно сгорю?
Иль в суматохе ресторанной
Другим гуляющим в пример
Меня застрелит в драке пьяной
Такой же русский офицер?
Иль немец быстро между делом
Часы с руки моей сорвет,
К виску приставит парабеллум
И спусковой крючок нажмет?

Или нечаянно узнают
Про строки глупые мои
И на рассвете расстреляют
За нелегальные стихи?

3-й Украинский фронт.

Болгария, г. Карнобад, сентябрь 1944 г.

В госпитале

Над койкою встала высоко
Видением белым стена.
О чем-то родном и далеком
Лениво поет тишина.

В окно виноградные кисти
Ползучий кустарник забросил,
Деревьев зеленые листья
Посыпала ржавчиной осень.

Предутренний сумрак в палате,
Свисток парохода вдали...
У низкой железной кровати
Стоят до утра костыли.

*Л. А. Блюменфельд в госпитале (на фото справа — крайний справа в верхнем ряду).
Румыния, г. Тульча. Октябрь–ноябрь 1944 г.*

Проходит сестра озабоченно,
Сандали скрипят в тишине...
В осенние долгие ночи
Не спится, не дремлетсЯ мне.

И мелочное, и главное
Смешав в темноте ночной,
Проходит мое недавнее,
Вчерашнее предо мной.

Дороги, лощины, болота,
Трехдневный томительный бой,
Размеренный гул самолетов
И мин нарастающий вой.

Спокойно Карпатские горы
Глядят сквозь чадру облаков,
Как танки врываются в город,
Ломая фанеру домов.

И немцы до ужаса близко
По-своему что-то кричат,
И радость смертельного риска
Бежать не позволит назад.

Ракет разноцветные стрелы,
Раскрытые бочки вина,
Шампанское, водка, расстрелы,
Трофеи, убийства — война.

А после — прогулка веселая
Под солнцем полуденных стран,
Румынские нищие села,
Зубчатые скалы Балкан.

Болгарские плавные танцы,
Цветы и восторженность встреч.
Вино. Рестораны Констанцы,
Певучая сербская речь.

Народные пестрые сказки
О древней, забытой стране
И женские пьяные ласки
В полночной глухой тишине.

Я знаю, что время настанет —
Пойду я дорогой иною,
И в памяти, будто в тумане,
Померкнет пройденное мною.

Заборами новыми полный,
Забуду военный угар, —
Дунайские белые волны,
Днестровские берега.

Без радостей и волнений
Займут мой недолгий век
Опасности уравнений
И тайны библиотек.

Светлеет. Соседний раненый
Хрипит в беспокойном сне,
И тени воспоминаний
Растаяли на стене.

октябрь 1944 г.

1 июля 1945 года

Скучно. Ноет рана. Душно у окна.
За окном чужая сонная страна.

Порами асфальта впитывает жар
«Город белых стульев» — Секешфехервар.

Затекают ноги. Шевельнуться лень.
Неподвижно солнце. Бесконечен день.

Скоро я поправлюсь и вернусь домой.
Все закроет время дымной пеленой.

Я уже не вспомню в думах о другом
Вой летящей мины и разрыва гром.

Долгими ночами не приснится мне,
Как стучат осколки сверху по броне,

Как за черным дымом, выстроившись в ряд,
Танки на полях неубранных горят,

Как в бездонном небе ходят облака
За хребет Карпатский, за зубцы Балкан.

Я забуду скоро, знаю хорошо,
Все, что я увидел, пережил, прошел.

Может лишь случайно в сутолоке дней
Выплывут в тумане памяти моей

Странные, смешные, глупые слова:
«Город белых стульев» — Секешфехервар.

Николаю Владимировичу Тимофееву-Ресовскому

Известно всем: вначале было слово.
Важнее слова вещи в мире нет.
Мы слово услышали в Миассово
Тому назад уж двадцать с лишним лет.
Ведь человек и суетен, и грешен,
Не отличает в слепоте своей
Немногие существенные вещи
От многих несущественных вещей.
Чему Вы только нас не обучали!
Но если все до афоризма сжать,
То главное — и в счастье, и в печали
Существенное в жизни отличать.

7 сентября 1980 г.

Кейт Диксон

К вопросу о свободе воли

(Nature. 1986. Vol. 319. P. 352; вольный перевод)

О, если ты считаешь сам, что кто-то
Все за тебя решает наперед,
Что чья-то неусыпная забота
Тебя сквозь жизнь на поводке ведет,
И если ты в свою не веришь волю,
А веришь в предначертанность судьбы
И принимаешь заданную долю,
Как в древности покорные рабы,
И если ты согласен с тем, что корень
Того, что ты зовешь своей душой,
Лишь автомат, и ты ему покорен,
И он диктует: «Это хорошо,
А это плохо», то, зажатый в клетку
Неведомой программы, ты идешь
По жизни мифом, сном, марионеткой...
Но если ты свободен и живешь
На самом деле, и твое желанье
Тебе никто продиктовать не мог, —
Земля твое, мой мальчик, достоянье,
И, более того, ты — Бог!

Редьярд Киплинг
Раб, который стал царем

От трех трясется земля, четырех она не может
носить: раба, когда он делается царем; глупо-
го, когда он досыта ест хлеб; позорную женщи-
ну, когда она выходит замуж и служанку, ког-
да она занимает место госпожи своей.

*«Книга притчей Соломоновых»
(глава 30, стихи 21–23)*

Три вещи в дрожь приводят нас,
Четвертой не снести.
В великой книге сам Агур
Их список поместил.
Все четверо — проклятье нам,
Но все же в списке том
Агур поставил раньше всех
Раба, что стал царем.
Коль шлюха выйдет замуж, то
Родит — и грех забыт,
Дурак нажрется и заснет,
Пока он спит — молчит,
Служанка стала госпожой, —
Так не ходи к ней в дом,
Но нет спасенья от раба,
Который стал царем.
Он в созиданьи бестолков,
А в разрушеньи скор,
Он глух к рассудку, криком он
Выигрывает спор.
Для власти власть ему нужна,
И, силой дух поправ,
Он славит мудрецом того,
Кто лжет ему: «Ты прав!»
Он был рабом, и он привык,
Что, коль беда пришла,
Всегда Хозяин отвечал
За все его дела.
Когда ж он глупостью теперь
В ад превратил страну,
Он снова ищет, на кого
Свалить свою вину.
Он обещает так легко,
Но все забыть готов.
Он всех боится — и друзей,
И близких, и врагов.
Когда не надо, он упрям,
Когда не надо — слаб.
О, раб, который стал царем,
Все раб, все тот же раб!

Себе

Не говори: настанет день,
И настоящее начнется,
И солнцем счастье улыбнется
Сквозь жизни серенькую тень.

Ты лишь сегодняшнего автор.
Забудь про годы впереди
И не надейся и не жди
Ненаступающего завтра.

Ты станешь ждать, а все пройдет
Тоскливой вереницей буден.
Тот, кто сегодня не живет,
Тот завтра тоже жить не будет.

Иди ж дорогою своей,
Пока выдерживают ноги.
Ведь жизнь складывается из дней,
И даже не из очень многих.

19 августа 1940 г.

О времени и о смерти

Идут недели. С каждым годом
Все медленней идут они.
Уже ослабленным заводом
Почти не двигаются дни.

Времен масштабы перепутав,
Надежд и ужаса полна,
Придет последняя минута
И не окончится она.

23 июня 1979 г.

* * *

Мне стало ясно очень рано,
Еще до той большой войны,
Что власть толпы и власть тирана
Нам одинаково страшны.

А нынче, в серенькие годы
Тираны спрятаны в архив,
Толпа в узде, и враг свободы —
Стоящий в ногу коллектив.

7 марта 1987 г.

У телевизора

Все спят. Легли сегодня рано.
В квартире тихо и темно.
Сажу один перед экраном,
Смотрю военное кино.
Ослаблен звук, и залпов шорох
Не заглушает тишину,
А в телевизоре актеры
Играют в прошлую войну.
От пуль увертываясь ловко,
Берут окопы на ура,
И понимают обстановку
Равно сержант и генерал.
И, танки подпуская близко,
С гранатой к ним ползет солдат,
И пять минут без смены диска
Не замолкает автомат.
Немецкий снайпер очень меток,
Но все ж стреляет лучше наш,
И погибает напоследок
Второстепенный персонаж.
И вот уж он землей засыпан,
И друг, сжав зубы, мстит врагу,
А я гляжу на эту липу
И оторваться не могу.

9 мая 1985 г.

Вопрос

Прошло уж семь десятков лет
С тех пор, как из небытия
Не где-нибудь, а на земле,
Возник не кто-нибудь, а я.
Как повезло в то время мне:
Ведь мог возникнуть и не я,
А я тогда б остался вне
Реальности и бытия.
Но есть один больной вопрос,
Который только с виду прост.
Что значит я? Ответа нет.
Молчит сознание моё.
Придётся за ответом мне
Уйти опять в небытие.

1994

В. ФАНДРЕЙ

МНЕ ВСПОМНИЛАСЬ ВОЙНА

Несколько слов об авторе

Вилли Фандрей — польский судостроитель, родился в 1931 г. в Польше. Отец — поляк, мать — немка. После окончания Политехнического института в Гданьске работал на судостроительных заводах, прошел путь от мастера цеха до директора завода «Северная верфь» и директора Научно-исследовательского института судостроения в Гданьске. Много работал по выполнению советских заказов, строил десантные корабли и научно-исследовательские суда для СССР. Совместно с советскими моряками неоднократно выходил в море на испытания новых судов. Знает в совершенстве немецкий и русский языки. Пишет стихи.

Выступает в печати со статьями по проблемам судостроения и истории военно-морской техники. Сотрудничает с Морским музеем в Гдыне. Поддерживает дружеские контакты с российскими моряками, а также с Проблемной группой истории кораблестроения ИИЕТ РАН. Несколько раз посещал Россию и приглашал сотрудников Проблемной группы посетить Польшу.

Во время Второй мировой войны В. Фандрей, будучи еще юнцом, видел все ее ужасы. Когда наступали немцы и проходили по местам, где жил В. Фандрей, репрессии немецких карателей коснулись всех польских родственников отца-поляка. А при наступлении Советской армии ее карательные органы расправились с родственниками матери-немки.

В. Н. Краснов

Мне вспомнилась война

Я посетил деревню, где когда-то
Впервые русских увидел солдат.
Их, опаленных смертью в страшной схватке,
По хатам разместил заботливый комбат.
На лицах русских тяжкая усталость —
Они здесь провели жестокий бой.
Теперь солдатам требовалась малость:
Глоток воды и хоть на час покой.
Я был тогда совсем еще мальчишкой,
Но ясно помню этот грозный год:
Ведро с водой к солдатскому домишку
Принес я и поставил у ворот.
И чуть не хором крикнули солдаты:
«Спасибо!», встретив радостно юнца...